

— Это невозможно, — прошептал он.

Он обернулся:

— Ты уверен?

— Я думаю, — он помолчал, — это ловушка.

Глава 1

В полуразрушенном храме лежал монах. На его бритой голове виднелись девять отметин послушника, а ряса — грязная, черная и сплошь в заплатах — напоминала лохмотья нищего. На босых ногах — стоптанные монашеские туфли. Безусловно, это был монах.

Крыша храма давно прогнила и обветшала, превратившись в подобие тряпки, которую стирали тысячи раз: ни узоров, ни красок уже не разобрать. Жертвенник обрушился наполовину, а статуя богини, некогда украшенная яркими лентами, под гнетом времени и людского равнодушия превратилась из прекрасной величественной небожительницы в дряхлую старуху. Фрески небесных чертогов за алтарем, росписи с лазоревыми фениксами, фигуры небожителей по бокам — все истлело в бесконечном течении лет.

Монах молча смотрел на расписную балку под потолком: этот храм был построен четырнадцать лет назад, ведь тогда здесь проходила граница враждующих государств. Когда-то храм сиял великолепием, став духовной опорой для людей в этих пустынных краях. Быть может, юноши, чьи сердца впервые познали трепет любви, тайно вздыхали, глядя на лик богини. Но теперь храм не мог защитить даже от ветра. Четырнадцать лет назад он был здесь таким же — пылким и справедливым странствующим рыцарем, что скакал по обе стороны границы.

Монах покачал головой и горько усмехнулся. Он взял сухую, безвкусную лепешку, с трудом отломил кусочек, медленно разжевал и проглотил, запив слюной. Стоило закрыть глаза, как в памяти всплывали те дни: юное, дерзкое лицо под широкополой шляпой, ярко-зеленые одежды, развевающиеся на ветру верхом на гнедом скакуне. И хотя вокруг все казалось серым и тусклым, лишь клинок в его руке неизменно сверкал, подобно молнии, быстрой и разящей.

Статуя богини, как и сам монах, была облачена в грязные, рваные одежды. Краски на ее лице облупились от ветра и дождей, и, подобно этому смуглому монаху, она утратила свои черты. У статуи не хватало руки — возможно, ее отбили мальчишки, бросавшие камни, а может, какой-нибудь негодяй срубил ее, желая похвастаться удалью.

Ах да, эта рука теперь служила подушкой под его бритой головой.

Смуглый монах в рясе, которую стирали и латали бесчисленное количество раз, выглядел как

истинный аскет. Даже если он не был просветленным наставником, то по крайней мере был бедным и смиренным странником. На ногах — стоптанные башмаки, из которых выглядывали грязные пальцы. Тело, лицо и руки были покрыты слоем пыли — не разобрать ни возраста, ни пола. Под гладким черепом виднелись лишь редкие дуги бровей, а под ними — закрытые глаза с короткими, словно опаленными, ресницами.

За стенами разрушенного храма выл холодный ветер, вокруг стелилась сухая трава, а среди чахлах, больных деревьев изредка раздавался вялый писк воробьев. Тишина увядания. Дверь храма, приоткрытая наполовину, в этой жуткой глуши казалась источником опасности, хотя, по правде говоря, в нынешнем положении это было самое обычное дело.

Монах закрыл глаза и погрузился в раздумья.

Три дня и семь часов назад я спала на резной кровати с балдахином, украшенной вышитыми дочерью кисетами, покоясь на мягчайших шелковых подушках под тончайшим, почти невесомым одеялом. В щели у изголовья, там, где удобнее всего выхватить оружие, лежал короткий клинок. На ковре у кровати спали четыре женщины-телохранителя: если становилось холодно, кто-то тут же закрывал окно, если жарко — обмахивал веером; стоило кашлянуть — подавали теплую воду, а если нужно было встать ночью — приносили судно.

А сейчас — жалкое бегство в глуши, среди диких гор.

Монах приподнял край рясы, обнажая забинтованный живот. Воздух пропитался запахом крови, густым, почти смертельным.

Монах, казалось, не чувствовал боли. Лицо оставалось спокойным и отрешенным, лишь опущенные веки изредка подрагивали, выдавая жизнь. Других признаков жизни не было: дыхание стало настолько слабым, что его невозможно было услышать, а тело не шевелилось уже больше двух часов.

Размышлять. Нужно изо всех сил размышлять. Сейчас, кроме мыслей, он не был способен ни на что.

Почему я оказалась в таком положении? Из-за ранения. Кто ранил меня? Муж. Тот, кого я знала и любила, муж, которого мы с братом вырастили вместе. Почему он захотел убить меня? Не знаю. У мужа не было причин для недовольства, между нами не стояло вопросов выгоды, отношения были близкими и теплыми. Я не переходила ему дорогу, да и расти ему было некуда. Даже если бы он захотел стать императором, ему не нужно было убивать меня — его власть, положение и милость государя уже сделали его правителем де-факто. Убийство не принесло бы ему никакой пользы.

Вопрос лишь в том, почему он все-таки это сделал? Ответа нет.

Для любой женщины, пронзенной мечом собственного мужа, с которым она прожила более

двадцати лет, это был бы шок. Выжить после такого, потерять на несколько дней способность мыслить или впасть в отчаяние — вполне естественно.

Но Фан Дици не считала себя обычной женщиной. Обычные женщины не достигали таких высот, не совершали того, что делала она, и не могли быть достойной парой такому мужу.

Поэтому тот факт, что она до сих пор не может понять причин его поступка, означал поражение. Три дня прошло, а анализа нет — это полный провал. Она не могла позволить себе ни малейшей неудачи. Ведь в ее жизни большинство ошибок вели к тому, что уже не нужно было ни о чем беспокоиться — к смерти.

Да, этот бритый, смуглый и уродливый монах, обнаживший раненый живот, — женщина.

Женщина, которая еще два дня назад была величественной и благородной. Она обладала властью и достоинством, превосходящими императорские, и статусом, равным статусу принцессы. Она жила в роскоши, наслаждаясь высочайшим богатством, доступным человеку.

Даже сейчас во рту у нее была зажата бесценная Жемчужина Успокоения Духа — сокровище, способное поддерживать жизнь в тяжелораненом человеке, пока он не умрет от голода, жажды или разложения. На ее животе был нанесен Золотой порошок от ран — последний флакон, оставшийся от великого целителя, чья эффективность в тысячи раз превосходила любое другое средство. А бинты, которыми была обмотана рана, были сделаны из Огнеупорной ткани, которую редко встретишь даже в императорском дворце — ткани, что не сгорает в огне, а лишь очищается им. Та самая сухая лепешка, которую было так трудно проглотить, на самом деле являлась лекарственной пилюлей, утоляющей голод и восстанавливающей жизненную энергию.

Только благодаря этому она смогла прожить три дня и семь часов — нет, уже восемь часов — после того, как отравленный клинок пробил живот и повредил позвоночник.

Она с трудом пошевелилась, опираясь на руку, и взглянула на выход. Снаружи по-прежнему царил запустение. К счастью, здесь не было волков и других диких зверей — всех их давно съели бедняки, обитавшие в этих краях, здесь не осталось даже крыс. Иначе ей, парализованной от тяжелой раны, оставалось бы лишь надеяться, что запах лекарств отпугнет хищников, жаждущих обглодать ее до костей.

Что ж, стоит признать, сыновья — бывшие маленькие господа, а ныне младшие генералы — отлично позаботились о моих ранах. Жаль, что такие заботливые дети, скорее всего, уже сами стали жертвами.

Что делать дальше? Нет, я ничего не могу предпринять. С такими ранами, даже если я доберусь до вражеского государства и получу помощь, меня будут держать под арестом и использовать как слабую и бесполезную пешку. Более того, мой статус... Как только я пересеку границу, все силы и сторонники, оставшиеся в стране, будут взяты под надзор и уничтожены.

Теперь есть несколько вариантов. Первый: бороться за жизнь. Возможно, мой последний приемный сын тоже погибнет, и я сама долго не протяну, но я не позволю мужу, причинившему мне боль, остаться невредимым. Второй: передать все Ван Цяню, чтобы он жил вместо меня, мстил вместо меня и убил моего мужа. Третий: достойно принять смерть, спасти жизнь Ван Цяня, но позволить Чэнь Ляну, Цзинь Хэйнян и Десятой госпоже погибнуть впустую.

Юноша, одетый как охотник, проворно вошел внутрь. В руках он держал двух худых, облезлых воробьев и охапку хвороста. От него веяло армейской выправкой, лицо было покрыто пылью, в глазах читалась усталость, но это не могло скрыть его решительности и властности.

— Крестный, только эти двое, по одному на каждого, — сказал он.

— Съешь сам. Мне достаточно пилюли, — голос монаха был хриплым и сухим. — Вода закончилась.

Юноша слегка нахмурился:

— Я не нашел воды.

Он потряс кожаным бурдюком на поясе — тот был пуст. Ловким движением он проткнул горло воробья, собрал кровь в маленькую золотую чашу, которую всегда носил с собой, и, подойдя к монаху, приподнял его бритую голову, напоив его половиной порции. Кровь — это не вода, но лучше, чем ничего. Фан Дицзи почувствовала, что жажда немного отступила. Юноша, заметив, что выражение ее лица стало спокойнее, радостно и осторожно уложил ее обратно, затем поднял чашу и, широко открыв рот, выпил остатки крови со дна. После чего он тихо, стараясь не шуметь, развел огонь с подветренной стороны, чтобы поджарить птицу.

— Я не хочу тебя терять, — хриплый голос Фан Дицзи едва слышно прозвучал в разрушенном храме. — Хотя у меня не было обычного детства, я знаю: юноши в твоём возрасте должны наслаждаться свободой, путешествовать с мечом, слагать стихи и предаваться радостям жизни.

Глава 2

Три дня и семь часов назад.

Абрикосово-желтый паланкин опустился перед величественными воротами. Дворцовые служанки бросились вперед, откидывая занавески, и показалась прекрасная дама. Белоснежный юноша, следовавший за паланкином, соскочил с коня, бросил поводья слуге, поправил головной убор и, одернув одежду, шагнул вперед:

— Матушка, мы дома.

На голове дамы красовались золотые заколки в виде фениксов, украшенные драгоценными камнями; в центре покачивался семихвостый феникс, а сзади волосы удерживала подвеска из девяти колец. С одной стороны была вставлена заколка из белого нефрита, с другой — две чисто золотые заколки с символами счастья и долголетия. Высокая прическа, подобающая замужней женщине, придавала ей величественный и благородный вид, идеально подходящий ее статусу и возрасту. В ушах — жемчужные серьги, а сзади свисали две красные ленты, вышитые золотом — символ воинской доблести и женственного очарования.

На ней было изумрудно-зеленое придворное платье, широкий кожаный пояс с золотыми вставками, а на поясе — два туго набитых кисета и острый нож в ножнах из акульей кожи.

Обутая в сапоги из оленьей кожи на воловьей подошве с разноцветной вышивкой, она ступала уверенно и властно.

Такой наряд мог принадлежать лишь высокопоставленной особе из дворца.

Войдя в широкие ворота, Фан Дицзи поспешила в главный зал. Услышав за спиной звук закрывающихся тяжелых дверей, она не удержалась:

— Как же утомительны эти церемонии. Не знаю, как императрица выдерживает все это — от одного веса украшений на голове можно устать.

Белоснежный юноша одной рукой выхватил веер, яростно обмахиваясь, а другой потянул за воротник, пытаясь поймать хоть немного воздуха:

— Наша государыня не такая, как вы. Ей не нужно сражаться, так что можно не бояться потерять гибкость — тяжелые украшения для нее как тренировка.

— Только ты умеешь болтать ерундой, — рассмеялась Фан Дицзи, не сбавляя шага, и крикнула:
— Чжай-нян, как в женской половине?

— Госпожа, старшая барышня закончила тренировку с мечом, съела две порции лапши, три лепешки с финиками, выпила две чашки каши и пошла читать. Старшего господина с утра забрал дядя, слуги ушли с ним. Второй господин вчера перегрелся, выпил холодного вина и теперь приболел, после лекарства он только что заснул.

Фан Дицзи кивнула:

— А господин?

Пока они разговаривали, они дошли до центрального зала. Белоснежный юноша поклонился и отошел в сторону, чтобы выпить холодного сливового отвара.

Фан Дицзи вошла во внутренние покои. Несколько служанок ловко помогли ей снять украшения, оставив лишь четыре золотые заколки и цветок с драгоценными камнями. Платье она сменила на темно-зеленый халат, поверх которого накинула легкую накидку с узором из бамбука.

Пока служанки хлопотали вокруг, управляющая Чжай-нян доложила:

— Госпожа, господин вернулся из дворца и сейчас в кабинете обедает с гостями. Сегодня на утреннем докладе его снова обвинили в том, что он не ценит таланты и не наказывает бездарностей. Император приказал ему уйти в отставку и поразмыслить над своим поведением, и господин без колебаний согласился. А те, кто его обвинял, устроили пир в ресторане Уфан, хвастаясь, что теперь-то они точно лишат его военной власти.

Фан Дицзи сделала глоток отвара и рассмеялась:

— Старший брат как раз звал меня на загородную прогулку. Я еще удивлялась, когда это муж успеет, а оказывается, теперь времени у него полно. Глупцы, с ними не о чем говорить. Как бы они ни шумели, император знает цену мужу, и наследный принц тоже понимает, что нельзя пренебрегать военными ради гражданских чиновников. Ладно, пойду посмотрю, как там муж, а то, чего доброго, снова заливает горе вином.

Она громко рассмеялась, расстегнула мягкий доспех и бросила его Чжай-нян:

— Спрячь.

Чжай-нян придержала руку Фан Дицзи, когда та потянулась к ножу, и с тревогой сказала:

— Госпожа, правильно, что вы снимаете меч и доспехи перед встречей с господином, но если там будут посторонние, будьте осторожны.

— Чжай-нян права, — Фан Дицзи хлопнула ее по бедру и со смехом направилась к выходу. — Ты такая милая!

Чжай-нян покраснела:

— Сколько лет прошло, а вы не меняетесь! Бросьте эту дурную привычку!

Слуги и стражники почтительно кланялись ей, а она шла легкой походкой, улыбаясь.

Фан Дицзи стояла у входа в кабинет, слушая, как гости вздыхают о том, что император верит лжецам, и сокрушаются о несправедливых обвинениях в адрес господина.

Она стояла там, стройная и изящная в своем зеленом платье, с красными лентами в волосах, похожая на прекрасный цветок. Но при этом она была человеком широкой души и не терпела формальностей. Поставив ногу на мраморную скамью, она поманила слугу у двери:

— Кто там?

Слуга подбежал и поклонился:

— Госпожа, господин сослался на недомогание и ушел отдыхать в беседку у озера, а внутри остались лишь ученые мужи.

Фан Дицзи приподняла бровь и развернулась, уходя прочь. Позади доносились голоса ученых, восхваляющих ее грацию и доблесть.

Белоснежный юноша следовал за ней. Они дошли до пруда с лотосами, обогнули искусственную гору и увидели каменную комнату — так называемый Ледяной дворец.

— Матушка, я подожду снаружи, — сказал юноша.

Фан Дицзи кивнула, отстранила ветки своим верным клинком и увидела мужа. В зеленом платье, среди зелени деревьев, она казалась лесным духом.

— Почему ты здесь? Снаружи не так уж жарко, а здесь слишком холодно, не простудись.

В белоснежной каменной комнате он стоял, безупречно чистый в своих белых одеждах, словно небожитель. Его брови, подобные мечам, и глаза, сияющие как звезды, хранили нежность, а губы были готовы произнести слова любви. Он молчал, и его естественная величественность и сочетание литературного и военного талантов могли покорить любого. Это был первый министр страны, добившийся положения благодаря военным заслугам. Мужчина средних лет, крепкий и красивый. Он был всем, о чем могла мечтать женщина: нежным, влиятельным, статным и верным. Он принадлежал только Фан Дицзи.

— Мне не холодно, — его голос был мягким и культурным, с оттенком властности, закаленной в походах. — Когда я вижу тебя, мне становится жарко.

Фан Дицзи улыбнулась, подошла и нежно взяла его за руку:

— Не беспокойся о делах при дворе. Ты — гигант в политике, а я — главарь в мире воинов. Мы дополняем друг друга. Хотя старший брат доверяет тебе, он не может позволить тебе

сосредоточить всю власть в одних руках, поэтому время от времени прижимает тебя, давая шанс другим. Мы вежливы с людьми, но наши подчиненные иногда переходят границы. Я стараюсь их сдерживать, но не могу же я наказывать их, когда они делают верное дело.

— Я знаю, — его большая, сильная рука нежно погладила ее губы. — Я помню все, что ты говоришь.

Фан Дицзи прижалась к его груди и вдруг вздрогнула. В Ледяном дворце было слишком холодно — настолько, что она почти потеряла чувствительность и почувствовала острую боль. Но это было невозможно: с ее тридцатилетней внутренней энергией она не могла замерзнуть от такой мелочи. Она вскрикнула и изо всех сил ударила ладонью ему в грудь.

Белоснежный юноша, услышав этот крик, бросился внутрь, но застыл на полуслове.

Он увидел Фан Дицзи, лежащую на полу без сознания. Алая кровь растекалась по белому мрамору. Из глубины пещеры донесся звук механизма — кто-то сбежал, но ему было не до погони.

Он бросился к ней, достал из кисета противоядие и пилюлю для поддержания жизни, вложил ей в рот. Взглянул на рану: она была залита кровью, но судя по глубине, куда вошел нож, рана была тяжелой, к тому же был задет позвоночник. Он перекрыл точки, чтобы остановить кровотечение, но рана оказалась слишком серьезной.

Белоснежный юноша понял: дело плохо. Он оставил Фан Дицзи на месте — в холоде кровь текла медленнее — и заблокировал секретный ход. Выскочив наружу, он зажег три сигнальные ракеты.

Черный дым, смешанный с красным и синим, столбом устремился в небо.

Это был сигнал высшей степени тревоги.

Подав сигнал, он бросился обратно, достал Золотой порошок и платок, высыпал все лекарство на рану и изо всех сил прижал.

Он считал секунды, но казалось, прошла вечность, прежде чем послышался топот коней. В мгновение ока все изменилось, превратив каждую секунду в пытку.

На огромном коне скакал юноша в красном, а за ним — отряд воинов в черных одеждах и красных штанах.

Юноша ворвался в сад, не щадя цветов, спрыгнул с коня и рывкнул:

— Кто пострадал?

Белоснежный юноша со слезами в голосе закричал:

— Брат, матушка умирает! Это сделал крестный отец!

Юноша в красном властно начал отдавать приказы:

— Двадцать человек — в оцепление, ловите предателя! Трое — на вершину горы, следите за обстановкой! Вы двое — сообщите Пятой сестре, чтобы забрала три сокровища поместья! Десятая, собери всех наших людей и найди способ выбраться из города живыми!

Двадцать пять воинов бросились исполнять приказ. Юноша в красном ворвался в каменную комнату и опустился на колени перед Фан Дицзи.

— Старший брат, что случилось?

Белоснежный юноша ответил:

— Крестный отец...

Юноша в красном взревел:

— Чэнь Лян! Ты до сих пор называешь того старого негодяя отцом? По пути сюда он устроил засаду, к счастью, он действовал в спешке, и людей было немного, лишь двое наших ранены.

— Ван Цянь! — белоснежный юноша хотел возразить, но осекся: — Сейчас не время. У матушки поврежден позвоночник, клинок был отравлен.

<http://bllate.org/book/21775/2251786>